Николай Агнивцевъ

ПОДЪ ЗВОНЪ МЕЧЕЙ

НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВЪ.

ПОДЪ ЗВОНЪ МЕЧЕЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Складъ изданія: „Екатерингофское Печатное Дѣло".
1915 г.

Типографія Т-ва
„**Екатерингофское Печатное Дѣло**". Екатерингофскій пр., 7.

Пора.

Поэты, встаньте въ общемъ кличѣ,—
Довольно пѣть о Беатриче!
— Уже въ поляхъ свиститъ картечь
И рѣютъ ядра!..
— О, поэты,
Пора—жеманные сонеты—
Перековать на звонкій мечь!
— Пока оружія не сложитъ—
Раздутый спѣсью швабскій гномъ—
Пусть каждый бьется тѣмъ, чѣмъ можетъ:
Солдатъ—штыкомъ, поэтъ—перомъ,
Пусть вмѣстѣ съ кровью пѣсня льется
И вѣрьте: въ даляхъ голубыхъ—
Цѣною крови вамъ зачтется
Изъ сердца вылившійся стихъ!
Я слышу гулъ далекой битвы
И, вотъ,—проклятья и молитвы,
Желѣзо, золото и мѣдь—
Бросаю въ горнъ святого гнѣва,
Чтобъ сталью новаго напѣва—
Съ нежданной силой зазвенѣть!

I.

Роднинѣ.

Набатъ.

Долы и села, отъ края до края,
Вздрогнули гнѣвно подъ взмахомъ булата,
И съ колоколенъ, гудя и стеная,
Хлынули мѣдныя волны набата:
— Бамъ... бамъ... бамъ...

Гей, поднимайтесь на бой, исполины,
Въ сумракѣ крадутся вражьи дружины...
— Бамъ... бамъ... бамъ...

Богомъ отринуты, съ воемъ звѣринымъ
Рыщутъ, какъ волки, они по долинамъ...
— Бамъ... бамъ... бамъ...

Мирныя села громя и сжигая,
Нагло пируетъ голодная стая...
— Бамъ... бамъ... бамъ...

Взоры ихъ жадны и зубы ихъ остры,
Слышите: плачутъ вдали ваши сестры!..
— Бамъ... бамъ... бамъ...

Мстите за дѣвичьи слезы жестоко!
Мщеніе! мщеніе! Око за око!..
— Бамъ... бамъ... бамъ...

Прочь поцѣлуи! Прочь шутки паяца!
Всѣ — на врага, въ комъ есть силы подняться!..
— Бамъ... бамъ... бамъ...

Долы и села, отъ края до края,
Вздрогнули гнѣвно подъ взмахомъ булата,
И съ колоколенъ, гудя и стеная,
Хлынули мѣдныя волны набата:
— Бамъ... бамъ... бамъ...

Радость великая.

Пока не грянулъ громъ Войны,—
Бродили мы вокругъ Стѣны,—
Крича при встрѣчѣ строго:
— „Мой домъ—вотъ здѣсь, твой домъ—вонъ
тамъ,
„Такъ разойдемся-жъ по домамъ“...
И... шли своей дорогой.

Но звякнулъ мечъ: „Война! Война!“
И пала старая Стѣна!..
И, вотъ, взглянувъ, впервые,
Въ свои сердца,—узнали мы,
Что—братья мы, что братья мы,
Что братья мы родные!

Отпущенъ намъ великій грѣхъ!
И въ этотъ грозный часъ у всѣхъ:
Душа и грудь—едина!..
И эта радость больше словъ
И пораженія враговъ
И взятія Берлина!

Отчизнѣ.

О, Россія, о, Россія,
Снова пробилъ часъ зловѣщій,
Часъ великихъ испытаній
Для тебя, моя отчизна!
Снова, снова, какъ и прежде,
Мечъ твой, вырванный изъ ноженъ,
Заключилъ союзъ со Смертью,
О, Россія, о, Россія!

И, не шуцману въ коронѣ
Повалить тебя!.. Припомни:
У воротъ своихъ ты прежде
И не этакихъ видала!
И не мало вражьихъ сабель
Обломилось съ хриплымъ лязгомъ
На груди твоей широкой,
О, Россія, о Россія!

И, опять, раскатомъ Грома,
Отзовясь на дерзкій вызовъ,
Ты схватилась за желѣзо,
Мирный плугъ швырнувъ далече!..
И да будетъ мечъ твой нынѣ
Для врага—герольдомъ смерти!
И могучіе удары,—
Какъ удары гнѣвныхъ молній!..

Знай и вѣрь.

Не падай духомъ окрыленнымъ,
Когда услышишь, что, порой,
На полѣ брани палъ со стономъ—
Смертельно раненый герой!

Но знай: какъ солнца нѣтъ безъ тѣни,
Какъ вѣчныхъ дней безъ ночи нѣтъ,—
Такъ нѣтъ побѣдъ безъ пораженій
И пораженій безъ побѣдъ!

И вѣрь: сквозь крепъ нависшей тучи
Прорвется солнечный пожаръ!
И въ новой битвѣ врагъ получитъ—
Съ лихвой: ударомъ за ударъ!

Карусель.

(ЛУБОКЪ).

Споконъ
Временъ,
На вольной волѣ,
Въ неоглядномъ полѣ,
Недалече отсель,—
Стоитъ карусель!..

Карусель—не простая,
Карусель—расписная,
Замками затворена,
Словомъ вѣщимъ заговорена,—
Что красная дѣвица—
Стоитъ—не шевелится!...
— А ужъ коли пойдетъ,—
Ажно духъ замретъ!..

И, вотъ, съ вышины,
Изъ заморской страны,
Прилетѣлъ на Русь,
Чтобъ помѣряться съ нами,—
    Перелетный гусь,—
Да, не простой, а—съ усами!

— «Здрассте, молъ, братцы,—
    «Желательно мнѣ—
    «Покататься
    «На вашей спинѣ!..
«А, пока, чтобы вы не шумѣли,
«То, хотя-бы,— на той карусели!..»

    — „Эй, смотри, не балуй,—
    Карусели не тронь!—
    Будетъ, братъ, канитель!..
    — Все-же лѣзешь?!.“
        — Ну, дуй!..
    — Заиграла гармонь
    И—пошла карусель!...

Гость и этакъ и такъ,
И туда и сюда,
И раскисъ и размякъ
Отъ невиданной прыти;
— «Полно, молъ, господа,—
— «Отпустите!..—
«Я къ игрѣ потерялъ интересъ!..»

— Нѣтъ, пріятель, крѣпись!
Коли самъ ты залѣзъ,
Такъ ужъ самъ и—держись!
— Здѣсь тебѣ и гульба, здѣсь тебѣ и постель!..
— Эй, вертись, карусель!...

Слабымъ.

Въ широкое поле мортиры,
Сошлись, громыхая на пиръ!.
И смолки дрожащія лиры
Подъ дулами гнѣвныхъ мортиръ!

Разорваны древнія узы,
Кровь хлещетъ и бьетъ въ небеса!
И мечутся блѣдныя Музы
И въ ужасѣ рвутъ волоса!

Напрягши послѣднія силы,
Пошелъ, наконецъ, край на край,
И—сшиблись!..

— О, другъ мой унылый,
Будь бодрымъ, будь сильнымъ и знай:
— Разсѣется мракъ непогоды,
Блеснетъ бирюзой небосклонъ,
И вновь зазвенятъ хороводы
Подъ сѣнью побѣдныхъ знаменъ!..

„Рота, впередъ“!

—Грабя деревни и храмы,
Врагъ насъ на битву зоветъ...
—Ждать не заставимъ себя мы,
Рота, впередъ!

Радостенъ путь нашъ кровавый!
Чу, затрещалъ пулеметъ?!.
—Смирно!—За новою Славой—
Рота, впередъ!

Падаю? Падаю?!. Боже,
Чья это кровь такъ течетъ?!.
—Пусть я убитъ... Ну, такъ, что-же?
Рота, впередъ!

Легенда.

Когда блеснетъ на бастіонъ,
Въ упоръ, стальнымъ дождемъ,
И хлынетъ врагъ, со всѣхъ сторонъ,
На одного—втроемъ,

Тогда, на помощь, черезъ валъ
Сраженныхъ тѣлъ,—въ огнѣ
Несется Бѣлый Генералъ
На бѣломъ скакунѣ!

Подскачетъ къ дрогнувшимъ рядамъ,
Очами поведетъ,
И—горе вражьимъ головамъ!
Ничто ихъ не спасетъ!

Винтовки взявъ на перевѣсъ,
Сквозь стоны, ревъ и дымъ,
Какъ вѣковой, ожившій лѣсъ,
Идутъ полки за «нимъ».

Но... не понять лишь одного:
Изъ цѣлаго полка
Никто ни слова отъ «него»
Не услыхалъ пока...

И, только: къ отдыху—сигналъ,
Вмигъ, таетъ въ вышинѣ
Безвѣстный Бѣлый Генералъ
На призрачномъ конѣ!..

Казачья пѣсня.

— „Изъ-подъ кочекъ, изъ-подъ пней—
Лѣзетъ врагъ оравой!..
— Гей, казаки,—на коней
И, айда, за славой!

— Мать, не хмурь сѣдую бровь
Провожая сына,
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дивчина!

Ты судьбинѣ не перечь
Не кручинься слезно...
— Всѣмъ придется въ землю лечь—
Рано, или поздно!

Помни,—срока своего
Смерть не проворонитъ,
А кому не срокъ—того
И въ бою не тронетъ!

— На враговъ, чертямъ на зло,
Налетимъ мы бурей,—
Это наше ремесло—
Цѣловаться съ пулей!

— Эхъ, зудитъ моя рука,—
Будетъ съ нѣмцемъ рубка!..
— Помолись за казака,
Бѣлая голубка!

Таетъ, таетъ сизый дымъ...
Ты прощай, станица,
Мы тебя не постыдимъ,
Будемъ лихо биться!

Отшвырнемъ съ родной земли
Нѣмцевъ въ ихъ берлогу,
Хоть-бы даже къ нимъ пришли
Черти на подмогу!

Пусть придутъ—среди гостей
Будетъ больше крику,—
Потому что... и чертей
Мы возьмемъ на пику!

Эхъ, зудитъ моя рука,—
Будетъ съ нѣмцемъ рубка!..
— Помолись за казака,
Бѣлая голубка.

Три богатыря.

Илья. — Эй, други, проснитесь! Досель, въ тишинѣ
Былъ сонъ нашъ и крѣпокъ, и дологъ,
Но время пришло намъ подняться, занѣ —
Недоброе что-то почудилось мнѣ:
Ужо не крадется-ли ворогъ?!.

Добрыня. — Сдается и мнѣ, что не даромъ галдятъ
И точатъ мечи басурманы!..
Охъ, кровушки вдосталь напьется булатъ!..
И, чуя поживу, летятъ на Закатъ.
И каркаютъ черные враны!..

Алеша. — Да, кто-же такой сей боецъ-удалецъ?!.
Иль въ дьявола вышелъ онъ чиномъ?
Иль съ разума спятилъ заморскій пришлецъ?
Иль... мало гулялъ этотъ мечъ-кладенецъ
По вражьимъ макушкамъ и спинамъ?!.

Илья. — Ну, что-же?! Какъ встарь, встрѣтитъ ворога Русь:
И внуки, чай, дѣдовъ не плоше!
За Русь стародавнюю я не боюсь!
Но, все-же, занятно: каковъ этотъ гусь?
А, ну, погляди-ка, Алеша!..

Алеша. — Да будто... шевелится что-то вдали—
Подъ куцымъ чужимъ небосводомъ..
И видится мнѣ: изъ нѣмецкой земли
Идутъ съ бандой ратною ихъ короли,
На Русь направляясь походомъ!

Добрыня. — А, глянь-ка, Алешенька (ты позорчѣй!),
Что въ нашемъ-то дѣется станѣ?

Алеша. — Отъ вѣка не видѣлъ я столько мечей!
Должно наготовилц тутъ калачей
Гостямъ чужеземнымъ—заранѣ!
И... хлынули вороги!.. Братцы, держись!
Ишь, сколько чертей навалило!..
Какъ два океана,—двѣ рати сошлись!
Гей, внуки, стѣной, навались! навались!
Гей, ломится вражія сила!

Илья. — Эге, ихъ вожатый поползъ окарачь!
Должно, угощенье не сладко!

Добрыня. — Видать, не по вкусу имъ русскій калачъ!
Пошли наутекъ, горемычные, вскачъ!

Алеша. Круши ихъ! круши безъ остатка!

Добрыня. — Теперь, дальше пекла они не уйдутъ

Илья. — Тьфу, что за нечистая сила?
Вновь, смрадомъ знакомымъ повѣяло тутъ!
Ей-ей, не иначе, какъ турки идутъ:
Ужъ больно въ носу засвербило!

Алеша. — И вѣрно!.. Знать, дѣло нѣмецкое—дрянь!—
Коль кличутъ друзей на подмогу!..

Еще не отдавъ намъ послѣднюю дань,
Вновь, сослѣпу лѣзетъ турецкая рвань,
Какъ свора въ медвѣжью берлогу...
Эхъ, если-бы намъ, да присвистнуть втроемъ
И, какъ въ стародавнее время,
На ворога грудью пойдя, напроломъ,
Крестить, да крестить-бы, во всю топоромъ
На вывертъ поганое племя!

Илья. — Ишь, ширится какъ?! Что твой пѣнистый квасъ!
Заткнись-ка, покуда, Алеша!
Еще не пришелъ подыматься намъ часъ!
А имъ по загривку дадутъ и безъ насъ:
И внуки, чай, дѣдовъ не плоше!

О, родина моя.

О, родина моя,
Великая Россія,—
Зеленыя поля
И тучи грозовыя,

Немѣрянный просторъ,
Веревкой обнесенный,—
Ты—ребусъ, до сихъ поръ
Никѣмъ неразрѣшенный!

И вечеромъ, и днемъ
Ты, неустанно, съ дѣтства,
Клянешь свой отчій домъ
И дѣдово наслѣдство,

И, ноя средь полей,
Глядишь на Западъ дальній!..
— И нѣтъ тебя грустнѣй!
— И нѣтъ тебя печальнѣй!..

Но только вражій конь
Покажется изъ лѣса—
Въ груди твоей—огонь,
Въ рукѣ твоей—желѣзо,

Глаза изъ-подъ бровей,
Какъ молніи изъ тучи!..
— И нѣтъ тебя страшнѣй,
— И нѣтъ тебя могуче!..

...И алая струя
Кропитъ поля родныя...
О, родина моя,
Великая Россія.

II.

„Думъ-Думъ“.

Вильгельму.

Тобой подожжены, пылаютъ скирды хлѣба
И вся земля горитъ, какъ старый сѣновалъ...
Ты кровью и свинцомъ смѣясь обрызгалъ небо
И нѣжныхъ блѣдныхъ Музъ растлилъ и раз-
стрѣлялъ.

Въ безумьи—наглъ и слѣпъ, въ надменности—
безкраенъ,
Надъ Міромъ ты занесъ разбойничій булатъ...
И шлетъ тебѣ поклонъ твой прародитель Каинъ
И руку жметъ тебѣ безумный Геростратъ!

Румынская мелодія.

1.

— Послушайте, маэстро
Румынскаго оркестра,—
Почтенный Братіано,—
Отвѣтьте-жъ, безъ обмана,—
— Куда васъ манитъ слава?
— Налѣво, иль—направо?!.

— А онъ-же, ставъ на ципочки,
И, сѣя. вкось и вкривь,
Умильныя улыбочки,
Пиликаетъ на скрипочкѣ
Излюбленный мотивъ:
— „Положи-ка мнѣ, на ручку,
„Положи-ка денегъ кучку.
„Тили-тили-тимъ-тимъ“...

Послушайте маэстро,
Румынскаго оркестра,
Хоть Францъ кричитъ вамъ: „браво!“,
Но... вашимъ братьямъ, право,
Подъ управленіемъ Франца
Совсѣмъ ужъ не до танца!..

— А онъ-же, ставъ на ципочки,
И, сѣя, вкось и вкривь,
Умильныя улыбочки,
Пиликаетъ на скрипочкѣ
Коронный свой мотивъ:
— „Положи-ка мнѣ на ручку,
„Положи-ка денегъ кучку,
«Тили-тили-тимъ-тимъ!..“

Послушайте, маэстро
Румынскаго оркестра,
Не пучьте-же гакъ бѣльма
На щедраго Вильгельма...
Гдѣ-жъ смыслъ нейтралитета?
— Не хорошо вѣдь это!..

— А онъ-же, ставъ на ципочки,
И, сѣя, вкось и вкривь,
Умильныя улыбочки,
Пиликаетъ на скрипочкѣ,
Любимый свой мотивъ:
— «Положи-ка мнѣ на ручку.
«Положи-ка денегъ кучку,
«Тили-тили-тимъ-тимъ...»

—

Разговоръ съ „Софіей“

— О, Софія, о, Софія,
О, расчетливая дама,
За кружечки золотые
Продающая объятья.
—Не отвѣтите-ль вы прямо:
Отчего въ славянской рати
Вашихъ воиновъ не видно?!.
— О, Софія, о, Софія,
Неужели вамъ не стыдно?

— О, Софія, о, Софія,
Вы забыли, какъ Россія
Васъ по-братски защищала
Отъ турецкаго кинжала?
Даже Плевну, о. Софія,
Вы забыли, очевидно?
— О, Софія, о, Софія,
Неужели вамъ не стыдно?
Вѣдь, поди, тогда на Шипкѣ
Было вамъ не до улыбки?
А ремней изъ вашей шкурки
Не вырѣзывали турки?

О, Софія, о, Софія,
Ну, скажите, гдѣ-бъ вы были
И годились бы куда,—
Если-бъ, крякнувъ отъ усилій,
Ихъ за шиворотъ Россія
Не схватила бы тогда?

— О, Софія, о, Софія,
О, расчетливая дама,
За кружечки золотые
Продающая объятья.
Не отвѣтите-ль вы прямо:
Отчего въ славянской рати
Вашихъ воиновъ не видно?
Есть причины? Но—какія?..
— О, Софія, о, Софія,—
Неужели вамъ не стыдно?
Есть-ли совѣсть-то у васъ?..

И отвѣтила Софія:
— «Вас ис дас?»

Разборный нѣмецъ.

Ганцъ-Амалія фонъ-Кнаббе--
Уроженецъ Кенигсберга,
Сорока двухъ лѣтъ отъ роду,
Безъ особенныхъ примѣтъ.

Онъ не лучше и не хуже
Тѣхъ семидести мильоновъ,
Что усердно поливаютъ
Свѣтлымъ пивомъ фатерляндъ.

А, чтобъ не было сомнѣній
Въ томъ, что онъ германецъ истый —
На спинѣ его сіяетъ:
Made in Cermany клеймо.

Всѣ солиднѣйшія фирмы
Для успѣшныхъ оборотовъ
Высылаютъ прейскуранты
Съ образцами ихъ работъ...

Ганцъ-Амалія фон-Кнаббе—
Это маленькій образчикъ
Изъ каталога издѣлій
Фирмы:—„Дэйчландъ унд-Вильгельмъ“

Потому его, немедля
Мы внимательно разсмотримъ
И по косточкамъ, детально,
Такъ и эдакъ разберемъ:

— Кто такой онъ, этотъ самый—
Ганцъ-Амалія фон-Кнаббе?
— Что въ немъ скрыто? И, при этомъ,—
Какова ему цѣна?

Мы начнемъ обзоръ, конечно,
Съ самой высшей точки Ганца
(Выражаясь фигурально)
Ну, (а, просто) съ головы.

Въ этомъ высшемъ учрежденьи—
Мѣстожительствѣ мечтаній—
У фонъ-Кнаббе, какъ ни странно,—
— Складъ росписокъ и счетовъ:

— Счетъ отъ прачки, старый вексель,
И четырнадцать патентовъ
На „пилюли отъ запора"...
Ну, а больше – ничего.

Если-жъ спустимся пониже
И заглянемъ въ грудь фонъ-Кнаббе,
То увидимъ въ этомъ мѣстѣ—
Небольшой ассортиментъ:

— Граммофонную пластинку—
(„Дэчландъ, Дэчландъ юберъ аллесъ").
И зарядъ запасныхъ „Hoch'овъ"
Для стрѣльбы изъ пугача.

Полѣвѣе, тамъ гдѣ сердце.
У фон-Кнаббе нѣту сердца.
Вмѣсто онаго предмета—
Тамъ внушительный «Гросс-бух»...

Онъ ведется аккуратно.
Вотъ, хотя-бы для примѣра:
«Дебетъ: 8 поцѣлуевъ,
«Кредитъ: «Порція котлетъ».

Впрочемъ, рядомъ съ этимъ счетомъ,
Межъ страницъ невинно чахнутъ:
Локонъ нѣкой Каролинхенъ
И засушенный цвѣтокъ.

А еще немного ниже
Въ животѣ у Ганца—ясно
Видны: шесть бутылокъ пива
И два фунта колбасы.

Вотъ и весь какъ на ладони.
Ганцъ-Амаліи фон-Кнаббе,—
«Made in Cermany»... Но, впрочемъ,
Гдѣ-же Ганцова душа?

— Окруженная болотомъ
И покрытая бронею,
Каждымъ нѣмцемъ очень рьяно
Охраняется она...

Потому, что въ ней, отъ вѣка,
За двѣнадцатью замками,
Проживаетъ безмятежно—
Голый, черный готтентотъ...

— «Но позвольте», мнѣ отвѣтятъ,
«Гетте, Шиллеръ, Кантъ и Ницше
«Тоже были нѣмцы родомъ»
-- Да, конечно... Ну и, что жъ?

— Гете, Шиллеръ, Кантъ и Ницше—
Говорили по нѣмецки,
Но мечтали и писали—
На нарѣчіи боговъ...

Величайшій-же изъ нѣмцевъ
Назывался «Генрихъ Гейне»,—
Жилъ изгнанникомъ въ Парижѣ
И, при этомъ былъ еврей.

Слово и дѣло.

Этотъ круглый человѣчекъ,
Коль взглянуть со стороны, —
Безобиднѣе овечекъ,
И бѣлѣе бѣлизны!..

Каждый день, при каждой встрѣчѣ,
Онъ сперва топорщитъ плечи:
— „Не моя, молъ, тутъ вина!..“
И, прищурившись лукаво,
Начинаетъ:
„А... Варшава,
Двѣ недѣли какъ сдана!..

— Вообще, дѣлишки — плохи!..
Нѣмцы, знаете, - пройдохи.
Дьяволъ всѣхъ ихъ забодай!..
— Какъ ни плохо, будетъ хуже,
Потому что намъ, къ тому-же,
Объявилъ войну... Китай!!!...

А на-дняхъ, по просьбѣ Франца,
Встанутъ всѣ американцы, —
Такъ милльончиковъ до трехъ!..
— Эта старая ворона —
Дядя ихняго Вильсона!..
Что-то будетъ?!. О-о-охъ!!!".

— Господа, давайте, снова,
Мы дадимъ другъ другу слово,
Что, при первой встрѣчѣ съ нимъ,
Возвратимся духомъ нашимъ
Къ временамъ давно погасшимъ —
Къ страшнымъ прадѣдамъ своимъ!

И, по дѣдовски, на мѣстѣ,
Проучить его, по чести,
По системѣ вѣковой:
— Взявъ за шиворотъ тихонько,
Потрясти его легонько,
И — объ стѣнку головой!
— „Полно, молъ, скулить тебѣ-то!
Полно прыгать, что блоха!.."

И простится вамъ за это —
Сразу — тридцать три грѣха!..

На крыльяхъ Икара.

Къ землѣ прикованный, отъ вѣка
Тянулся къ Солнцу Человѣкъ...
И какъ прекрасенъ былъ набѣгъ—
Набѣгъ на Солнце Человѣка!..

И, каждой ночью, Цеппелины,
Подкравшись къ городу тайкомъ,
Плюютъ расплавленнымъ плевкомъ
На задремавшія долины...
И храмы въ тягостномъ безсильи
Склоняютъ главы подъ ударъ...

— Вотъ, для чего пошли, Икаръ
Твои окрѣпнувшія крылья!..

III.

Пѣсни.

Пѣсня моряка.

Шуми и пѣнься, океанъ,
Качай меня, качай!..
— Увижу-ль вновь я, сквозь туманъ,
Тебя, родимый край?!.

Остался берегъ за кормой
И отгремѣлъ салютъ,
На западъ, полнымъ ходомъ, въ бой
Дрэдноуты идутъ.

Ныряетъ крейсеръ, словно вьюнъ,
Взрывая брызгъ фонтанъ...
— Привѣтъ тебѣ, сѣдой ворчунъ,
Безбрежный океанъ!

И скоро, скоро тамъ, изъ тьмы
Сверкнувъ съ бортовъ, огнемъ,—
Гогенцоллерну будемъ мы—
Салютовать ядромъ!..

Ты золъ, сегодня, чертъ возьми?..
— Ну, что-же, старина,—
Вали во всю!..–Шуми, шуми,
Зеленая волна!

Нѣтъ, нѣтъ, не дрогнетъ грудь моя!
Реви, бурли сильнѣй,—
Мнѣ не впервой!—Не мало я
Избороздилъ морей!

— Шуми и пѣнься, океанъ,
Качай меня, качай!..
— Увижу-ль вновь, я, сквозь туманъ,
Тебя, родимый край?!.

Не убѣжитъ теперь отъ насъ
Каперствующій врагъ!
И новой славой, въ грозный часъ
Мы обовьемъ нашъ флагъ!

А если мнѣ не суждено
Остаться средь живыхъ,—
Ну, что-жъ?—тогда пойду... на дно
И больше никакихъ!..

Вздохъ сожалѣнья здѣсь нелѣпъ!—
Не надо жалкихъ словъ!—
Вѣдь океанъ—фамильный склепъ
Отважныхъ моряковъ!

Шуми и пѣнься, океанъ,
Качай меня, качай!..
— Увижу-ль, вновь, я, сквозь туманъ,
Тебя, родимый край?!.

———

Ванька – парень.

У Ваньки парня—полонъ ротъ
Заботъ!.. Но все-жъ, порой,
Коль позовешь,—сейчасъ придетъ!
(Сговорчивый такой!..):
— Эй, Вань, лихая жизнь твоя,
Куснемъ по пирогу?"
— „Ну, что-жъ, пойдемъ... Коль надо—я
И погулять могу!"

„Эй, Ванька, гдѣ-же ты увязъ?
Аль ловишь пятаки?!.
— Тамъ, за деревней, нынче,—плясъ,
Ажъ лапти—на куски!
— Смотри, какъ милая твоя
Топочетъ на лугу!"
— Ну, что-жъ, пойдемъ... Коль надо—я
И поплясать могу!"

— Эй, Ванька, слышь: ночной порой
Къ намъ гости принеслись?!.
— А ну-ка, Ваня,—встань горой!
А ну-ка, развернись!
Ужъ больно родина твоя
Понравилась врагу!.."
— „Ну, что-жъ, пойдемъ... Коль надо—я
И—умереть могу!"

—

Пѣсня храбрыхъ.

Какъ прекрасно это Солнце,—
Золотая сказка неба,
Пѣсня Пламени и Свѣта!..
— Какъ прекрасно это Солнце!

Какъ прекрасны эти розы,—
Закатившіяся звѣзды,
Зацѣлованныя Солнцемъ!..
— Какъ прекрасны эти розы!..

Какъ прекрасно это море,—
Въ неразгаданную бездну
Опрокинутое небо!..
— Какъ прекрасно это море!..

Какъ прекрасны эти пѣсни,
Что звенятъ родимой грустью—
Тихой ночью, за рѣкою!..
— Какъ прекрасны эти пѣсни!..

Какъ прекрасны эти очи!
Въ нихъ—и солнце, въ нихъ и пѣсни,
Въ нихъ и звѣзды, въ нихъ и море!..
— Какъ прекрасны эти очи!..

Но смерть за отчизну—прекраснѣй всего!

Пѣсня ополченцевъ.

Затрубилъ горнистъ, сзывая
Армію на бой...
— Ты зачѣмъ, воронья стая,
Кружишь надо мной?!.
Смерть стоитъ на караулѣ!..
Выйдешь невпопадъ,—
Поцѣлуетъ въ губы пуля
И—прощай, солдатъ!..

— Эй, гей, нѣтъ, врешь:
Жизнь—копѣйка, счастье—грошъ!
Сами мы съ усами!..
Эй, гей,
Веселѣй
Топочи ногами!..
— Коли выйдетъ намъ приказъ—
Дьявола добудемъ!..
— Ну, а смерть придетъ—всѣ въ разъ
Помирать мы будемъ!

Отдается въ сердцѣ грозно
Крикъ вороньихъ стай...
Тамъ, вдали, подъ небомъ звѣзднымъ,
Спитъ родимый край...
Но не спитъ, всю ночь вздыхая,
Милая моя...
— Эхъ, дождешься-ль, дорогая,
Снова ты меня?!.

— Эй, гей, нѣтъ, врешь:
Жизнь—копѣйка, счастье—грошъ!
Сами мы съ усами!..
Эй, гей,
Веселѣй
Топочи ногами!..
— Коли выйдетъ намъ приказъ,—
Дьявола добудемъ!..
— Ну, а смерть придетъ,—всѣ въ разъ—
Помирать мы будетъ!

Пѣсня бельгійскаго барабанщика.

Я беру барабанъ и, подъ градомъ свинца,
Барабаню въ родныя сердца:
— „На враговъ, На враговъ!“ Эй, греми барабанъ,
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

Всюду нѣмцы и нѣмцы, куда ни взгляни!
Даже сыплются съ неба они!..
Но чтобъ насъ одолѣла-бы вражья орда!
Никогда! Никогда! Никогда!

Тамъ, за мною, стѣной стали наши полки!
Есть у нихъ и картечь и штыки...
Ну, а мнѣ командиромъ всего только данъ;
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

Я не жалуюсь вовсе на долю свою!
Я всегда впереди! И въ бою
Съ барабаномъ вдвоемъ мы все войско ведемъ—
Напроломъ! Напроломъ! Напроломъ!

И впередъ и впередъ неустанно зоветъ,
Чрезъ фугасы и топи болотъ
Ураганную армію мой барабанъ.
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

Хоть и рявкаютъ пушки: „Мы все сокрушимъ!“
Но, сравнивъ съ барабаномъ моимъ,—
Не годятся всѣ вмѣстѣ онѣ никуда,
Ерунда! Ерунда! Ерунда!

Жмутся пушки трусливо за сотни шаговъ,
Схоронясь подъ прикрытьемъ валовъ!..
Но... отыщетъ въ атакѣ ихъ мой барабанъ.
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

Я, недавно, наткнулся на пулю... и вотъ,—
Кровь, лишь только, немного течетъ!
Тра-та-та, потечетъ и пройдетъ!.. Пустяки!
Пустяки! Пустяки! Пустяки!

До побѣды солдату нельзя умирать!..
А умру? Ну такъ что-жъ? Наплевать!
Кто-нибудь изъ живыхъ мой возьметъ барабанъ,
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

— Кто сказалъ, что я—малъ?!—Не сержусь на дружка!
Пусть въ груди у меня—два вершка,—
Хватитъ мѣста для пули въ ней и для креста!
Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та!

„Думка іонтека“.

У моей красы дивчины—
Брови—двѣ дуги,
Губы Гали, что малина,
Очи—васильки!
— Но... вломились въ хату швабы!
— Руки дѣвичьи—такъ слабы!..
Ой, Галина,
Ой, дивчина,
Въ чемъ вина твоя?!.
— Спи въ гробу, моя дивчина,
Спи, любовь моя!

А давно-ль я ей до ночи
Пѣсни напѣвалъ,
И глядѣлъ ей въ ясны очи,
И „невѣстой“ звалъ?!.
И, кругомъ неудержимо,
Пѣли соловьи:
— Объ очахъ моей любимой,
О моей любви...
Но... тѣ пѣсни отзвучали!
И—нѣтъ больше нѣжной Гали!..—
— Польша! Польша! Край родимый,—
Плаваетъ въ крови!

Гдѣ водили плясъ дивчины,—
Нынче—плачъ и стонъ,
— Гдѣ былъ рокотъ соловьиный,—
— Карканье воронъ!
Тамъ, гдѣ прежде расцвѣтали
Синіе цвѣты,—
Тамъ теперь стоятъ въ печали
Черные кресты!
— Галю-жъ ночью взяли швабы!..
— Руки дѣвичьи такъ слабы
Ой, Галина,
Ой, дивчина,
Въ чемъ вина твоя?!.
— Спи въ гробу, моя дивчина,
Спи любовь моя!

———————

Черногорская пѣсня.

Насъ мало! Насъ мало! Но мы, вѣдь,—славяне,—
Сородичи горныхъ орловъ!
— А, какъ мы зовемся? О томъ въ назиданье,
Спросите у нашихъ враговъ!

— Пусть, нынче, у насъ противъ вражескихъ пушекъ,
Остались одни топоры,—
— Не мало валяется вражьихъ макушекъ
Въ разсѣлинахъ Черной Горы!

И пусть, снова, лѣзутъ австрійцы толпами,—
На каждаго—десять!..
—О, да,—
Насъ могутъ осилить, но сдѣлать рабами—
О, нѣтъ, никогда! Никогда!

Бельгійская колыбельная.

Мальчикъ, раскинувшись сладко,
Спитъ и голоденъ и сиръ...
Тихо качаютъ кроватку
Залпы германскихъ мортиръ...

Нѣтъ, я тебя не покину,
Бѣдный послѣдышъ... И, вотъ,
Мама послѣднему сыну
Новую пѣсню споетъ:

— „Кровью текутъ наши рѣчки
Кровью обрызгана высь, —
Пушки не знаютъ осѣчки!..
— Мальчикъ, мой милый, — проснись!

Врагъ запрудилъ всѣ равнины!..
И, сквозь великую боль,
Гордо взрываетъ плотины
Блѣдный и грустный король!.

Боже, Великій и Правый,
Къ Бельгіи будь милосердъ,
И увѣнчай вѣчной славой
Новое имя: „Альбертъ“.

— Нѣтъ, не цѣлуй ненаглядный,
Маму!.. — Корсажъ мой измятъ!..
— Ахъ, какъ безжалостно жадны
Губы нѣмецкихъ солдатъ!

— Пусть наши воины — пали!..
— Чтобъ отразить вражью рать —
Чудищъ изъ камня и стали
Женщины будутъ рожать!

И, чтобы съ нѣмцами биться
Было сынамъ веселѣй, —
— Вскормятъ сосцами волчицы
Матери гнѣвныхъ дѣтей!

— Мщеніе! Мщеніе! Мщенье!
Въ сердцѣ нѣтъ звуковъ иныхъ!..
— Пламя на вражьи селенья!
Горы на головы ихъ!..

— Будь безпощаденъ и бѣшенъ!..
— Развѣ ты смѣешь прощать, —
Если отецъ твой... повѣшенъ
И.. обезчещена мать!

IV.

„Смѣхъ“.

Въ защиту смѣха.

— «Какъ вамъ не стыдно смѣяться въ это время?..»
(Изъ разговора).

(Монологъ паяца).

Я—Смѣхъ, веселый, звонкій Смѣхъ,—
Любимый сынъ Весны и Солнца,—
Бросаю щедро—всѣмъ для всѣхъ, —
Смѣшинокъ звонкіе червонцы!..

И хоть со дня рожденья я
Ношу смѣшной костюмъ паяца,—
Но все-же многіе меня
И ненавидятъ, и боятся!

Ханжи, лакеи и глупцы
Не могутъ мнѣ внимать безъ дрожи...
— Да, у меня есть—бубенцы,
Но у меня и хлыстъ есть тоже!..

И гномовъ, и богатырей,
Колю я шутками упрямо...
И... неизвѣстно, что острѣй:
Мечъ палача иль эпиграмма?...

— Но что я слышу? Вотъ те-на?—
Тамъ, снизу, кто-то шепчетъ злобно,
— Что, молъ, „бываютъ времена,—
Когда смѣяться—неудобно?!."

Шипѣнью злобному въ отвѣтъ
Я афоризмъ швырну ходячій:
— „Спаси насъ, Богъ, отъ всякихъ бѣдъ,—
Отъ ханжества-же наипаче!..

Баллада.

Трубятъ рога, оретъ народъ,
Скандалъ на всю страну!..
— Баронъ Конрадъ фонъ Бутербродъ—
Собрался на войну.

И тщетно вѣрная жена
Кричитъ ему во слѣдъ·
— „Баронъ, куда вы? Вотъ—те-на,
„Остынетъ вѣдь обѣдъ!..“

Баронъ бурчитъ сердито: „Кишъ!
„Не до тебя совсѣмъ!
„Я ѣду экстренно въ Парижъ,
„Тамъ, кстати, и поѣмъ!“

— „Баронъ Конрадъ, Баронъ Конрадъ,
„Умѣрьте вашу прыть...
— „Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
„А съ ужиномъ какъ быть?“

— „И ужинъ будетъ—первый сортъ!
„Варшава-то на что?
— „Эй, Фрицъ, живѣе, старый чертъ,
„Подай-ка мнѣ пальто!“

И, вотъ, вскочивши на коня,
Въ бой тронулся баронъ,
Поклявшись небомъ: въ два-три дня
Весь міръ забрать въ полонъ!

Слуга барона—старый Фрицъ,
Сѣлъ задомъ напередъ,
Вздохнулъ одинъ за десять лицъ
И, тоже, маршъ въ походъ.

Былъ дологъ путь... Но, вотъ, вдали—
Виднѣется Парижъ...
— „А ну-ка, старый Фрицъ, вали,—
„Поддержимъ свой престижъ!..“

— Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
Ну можно-ль падать такъ?
Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
У васъ на лбу—синякъ!

Баронъ потеръ разбитый лобъ,
Съѣлъ черствый пирожокъ,
Привелъ въ порядокъ гардеробъ
И, hop-la, на Востокъ...

Былъ дологъ путь... Но, вотъ, вдали,
Виднѣется редутъ.
— „Варшава?!. Ну-ка, Фрицъ, вали—
„Поужинаемъ тутъ!“

— Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
Опять баронъ въ бѣдѣ?!.
— Баронъ Конрадъ, Баронъ Конрадъ,
А зубы ваши гдѣ?

И дни и ночи, напролетъ,
У Нѣмана-рѣки—
Баронъ Конрадъ фонъ Бутербродъ
Считаетъ синяки.

А дома охаетъ жена...
Судьба ея горька:
— Взамѣнъ обѣда ѣстъ она—
Военный хлѣбъ „Ка-ка..."

Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
Тю-тю, мечты... увы!..
— Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
Сидѣли-бъ дома вы!

Туда и обратно.

Изъ Дрездена города
Бодро и молодо
Двинулся въ дальній походъ
Саксонскій народъ.
— Погляди,—
— Впереди:
Въ „Hoch'омъ въ каждой груди—
Выступаютъ отборные хваты—
Солдаты, солдаты, солдаты...

За ними, въ порядкѣ,
Двѣ бойкихъ лошадки,
Прижавши къ макушкѣ
Капризныя ушки,
Везутъ дальнобойныя пушки...

За ними—сверхъ мѣры,—
Несутся курьеры,
Летятъ адъютанты,
Гремятъ музыканты,
Слегка обветшалы,
Спѣшатъ генералы,
И мчатся, набравшись сверхъ смѣты,
Кареты, кареты, кареты...

— Въ передней каретѣ—
Какія-то дѣти,
За ними: ихъ мамы—
Придворныя дамы,
За мамами—шляпы
За шляпами—папы,
Немножечко сзади—
Ихъ тети и дяди,
Кузины, кузены,
Блондины, шатены,
Гофмаршалы,
Маршалы,
8 министровъ,
105 бургомистровъ
И прочихъ персонъ—800.
— Все очень сановный народъ!

Всѣхъ сзади, при факельномъ свѣтѣ,
Торжественно ѣдутъ въ каретѣ:
Четыре картонки,
Двѣ старыхъ болонки
И, выбравшій новую роль,
— Саксонскій король!

И, къ новой готовясь программѣ,
Кричитъ онъ, стуча каблуками:
— «Да, ну, поспѣшайте-ка, братцы,—
«Мнѣ польской короной,
«Въ Варшавѣ плѣненной,
«Желательно короноваться!..
«И зная, что я прямо въ „крули“ къ нимъ мѣчу,
«Поляки готовятъ мнѣ пышную встрѣчу,
«—Живѣе, живѣе, въ Варшаву, въ Варшаву!..
«—Вонъ, скачутъ съ дарами гонцы на коняхъ!..

— Дѣйствительно, встрѣтили „круля“ на славу:
— Бумъ! Трахъ! Трахъ!!!

— Эй, гости, постойте! Куда вы? Куда вы?..
— И вотъ, отъ Варшавы,
Чрезъ пни и канавы,
Несутся они, безъ оглядки,
Но только... въ обратномъ порядкѣ...

— Погляди,—
Впереди:
Удираютъ вожди,
Позади—
Вперегонки—
Несутся: болонки,
Придворныя дамы,
Ихъ папы и мамы,
Кузины, кузены,
Блондины, шатены,
Гофмаршалы,
Маршалы,
8 министровъ,
105 бургомистровъ,
Совсѣмъ обветшалы,
Спѣшатъ генералы,
Летятъ адъютанты,
Летятъ музыканты,
И, словно взаправду—крылаты,—
— Солдаты, солдаты, солдаты...

Но, всѣхъ впереди,
Погляди.—
— Позабывъ про мозоль,
Черезъ пни и кувалды,
Лупитъ рысью саксонскій король,
Подобравъ королевскія фалды.

Гуго оберъ-лейтенантъ.

Поправляя аксельбантъ
И махая шпагой,
Гуго оберъ-лейтенантъ
Говорилъ съ отвагой:

— «Hoch, Germania!—Вотще
Хныкать, фрейленъ Мицци,—
— Я не сдамся!..—Вообще—
—«Veni, vidi, vici!»

Этихъ русскихъ дикарей
Мы побьемъ на славу!..
— Въ три минуты; ейн, цвей, дрей—
Заберемъ Варшаву»...

— Пули свищутъ и ревутъ...
— Видитъ Гуго—«туго»...
— И взмахнулъ платочкомъ тутъ—
Деликатный Гуго...

— Такъ, иль этакъ, иль не такъ,
Но, не безъ таланта,
Взялъ за шиворотъ казакъ
Оберъ-лейтенанта...

И дѣвицѣ въ фатерландъ,
Тотчасъ, къ вящей славѣ,
Пишетъ Гуго лейтенантъ:
— «Вотъ, я и—въ Варшавѣ!».

„Сказочка о двухъ игрушечныхъ солдатикахъ“.

Прологъ.

Голосъ

Вотъ, стоятъ молодцевато
Два игрушечныхъ солдата...
Одинъ—не простой,—
Заводной,
Берлинской работы...
Хоть вѣситъ два лота,
Зато, погляди, что за видъ?
— Лакомъ покрытъ,
Головой киваетъ,
Глазами мигаетъ,
Руками двигаетъ,
Ногами дрыгаетъ,
А заведешь—прыгаетъ...
— А другой—
Простой,
Кустарной работы...
— Взгляни на него ты:
Людей не дивитъ,
Лакомъ не крытъ
И родомъ (всего достовѣрнѣе)
Изъ Курской губерніи...

(Уголокъ дѣтской. Всѣ предметы пропорціонально увеличены. Тамъ и тутъ разбросаны коробки, въ коробкахъ спрятаны персоражи. Полусвѣтъ. Одна коробка открывается, изъ нее выскакиваютъ пруссакъ и австріецъ, поворачиваютъ штепсель, сцена освѣщается).

Пруссакъ и австріецъ (подбѣгаютъ къ коробкѣ съ итальяночкой, стучатся) — „Тукъ-тукъ...

Голосъ Итальяночки — Кто тамъ?

Пруссакъ и австріякъ — Откройте намъ...
Здѣсь я—пруссакъ
И—австріякъ

Оба Намъ видѣть васъ, немедля, надо...

Итальяночка (выскакиваетъ) — Я очень рада...

Пруссакъ Ну-ка, старецъ Франецъ,
Начинай-ка танецъ.
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Оба Говоримъ безъ лести:
Любимъ васъ мы вмѣстѣ,
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Итальяночка — Время вѣдь ночное...

Пруссакъ — Ну и что-жъ такое?
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Итальяночка — Мы вѣдь спать мѣшаемъ...

Пруссакъ Ну и пусть мѣшаемъ.
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Итальяночка Охъ, не безъ изъянца
Граціозность Франца.
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Австріякъ — Очень извиняюсь,—
— Какъ могу—стараюсь.
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Итальяночка — Вы мнѣ, милый Вилли,—
Ногу отдавили.
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Пруссакъ — Пустяки какiе.
— Это-жъ не впервые.
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Австрiякъ Ффу... Довольно... Крышка...
У меня—одышка...
Разъ... два... три... Разъ... два... три...

(Русскiй, Англичанинъ, Француженка, Сербъ, Бельгiецъ и Японецъ выглядывая изъ своихъ коробокъ, кричатъ).

— Что за топотъ? Что за гамъ?
— Спать мѣшаете вы намъ!..

Итальяночка — Вотъ, дождались вы скандала...
Я вѣдь васъ предупреждала.
(прячется въ свою коробку)

Пруссакъ — Ну и что-же?—Ерунда.
— Безъ особаго труда,—
Отъ подваловъ вплоть до крышъ—
Разнесу въ моментъ Парижъ.
— Ну, а Францъ возьметъ Бѣлградъ...

Австрiякъ — Я—то взять его-бы радъ...
Ну, а, вдругъ, мнѣ, на бѣду,—
Всыпятъ?..

Пруссакъ Что-о?..

Австрiякъ — Иду... Иду...

Пруссакъ (маршируя) — Лѣвой, правой
Маршъ за славой.
Разъ-два. Разъ-два.
Я—въ Парижѣ
— Францъ, пиши-же.
Разъ-два. Разъ-два.

Англичанинъ — Ишь, какъ весело поетъ?..
— Ну-ка, гдѣ тутъ Виллинъ флотъ?

(Ловитъ скачкомъ германскiя суда. Посерединѣ сцены опускается занавѣска, закрывая англичанина, японца, француженку, бельгiйца и ушедшаго къ нимъ пруссака).

Голосъ пруссака — Это развѣ не Парижъ?
Ты мнѣ правду говоришь?
Гдѣ-жъ Парижъ-то? Гдѣ-жъ онъ?
Гдѣ-жъ?

Голосъ бельгійца — Онъ—подальше. Это—Льежъ...

(Выстрѣлы).

Австріякъ — Отчего-бы, напримѣръ-бы
Не побить взаправду серба?
— Трухъ-трухъ, на Бѣлградъ,
Шагъ—впередъ, два—назадъ.
— Если сербъ дерется скверно,
Вздую серба я навѣрно...
Трухъ-трухъ, на Бѣлградъ,
Шагъ—впередъ, два—назадъ.

(подходитъ къ сербской коробочкѣ)

Я привелъ австрійцевъ тьму,
Всѣхъ насъ тутъ не перечесть...
— Оттого и потому
Я тебя желаю съѣсть.
— Слушай первый мой приказъ:
— „Твой Бѣлградъ—не твой, а—
мой".

(Пружинный кулакъ, неожиданно выскакивая изъ коробочки, бьетъ австріяка по носу).

Сербъ — Рразъ!!!
Австріякъ (падая) — Ой!
Козакъ Тыкалъ, тыкалъ носомъ сизымъ,
Анъ—коробочка съ сюрпризомъ!
Пруссакъ (возвращаясь уныло, подходитъ къ австріяку) — Эй, вставай-ты, близокъ врагъ.
Австріякъ — Я—сдаюсь... вотъ, бѣлый флагъ.
Пруссакъ — Это—я, союзникъ Вилли...

Австріякъ — Эге-ге... и васъ—побили?..
(оборачиваясь)
Пруссакъ Это... я... того... я самъ...,
Поскользнулся, знаешь, тамъ...
Австріякъ — Гдѣ-же это васъ?—Въ Парижѣ?
Пруссакъ — Нѣтъ... поближе...
Австріякъ — Гдѣ-же?
Пруссакъ — Въ Льежѣ.
Австріякъ — Что-же дѣлать намъ теперь?
Пруссакъ — Стукнемъ, снова, къ милой въ дверь.

(Снова подходятъ къ итальянской коробочкѣ).

Оба — Тукъ-тукъ!
Голосъ
итальяночки — Кто тамъ?
Оба — Откройте намъ...
Пруссакъ — Здѣсь я—пруссакъ
Австріякъ И—австріякъ...
Оба О, выйди, выйди на свиданье...
Итальяночка — Нѣтъ-съ, досвиданья.
Австріякъ — Тю-тю, нѣтъ больше итальянки...
Пруссакъ — Ну, что-жъ? Пойдемъ тогда къ турчанкѣ

(подходятъ къ турецкой коробочкѣ).

Тукъ-тукъ...
Голосъ — Кто тамъ?
Оба — Откройте намъ.
Пруссакъ — Здѣсь я— пруссакъ
Австріякъ — И—австріякъ...
Оба — Стоимъ вдвоемъ у вратъ Царьграда...
Турчанка — А что вамъ надо?
Пруссакъ — Сказать два слова...
Австріякъ — Мы хотѣли
Поговорить о важномъ дѣлѣ...
Пруссакъ — Ахъ, не смотрите-же такъ хмуро...

Турчанка — Не вѣрю я словамъ гяура...
Пруссакъ Мнѣ очень больно слышить это,
Вѣдь я-же—правнукъ Магомета...
Турчанка — Да неужели?
Пруссакъ — Въ самомъ дѣлѣ.
Австріякъ — Взгляните пристальнѣй въ него:
Что—рыжій онъ—то ничего.
Зато онъ мѣтитъ прямо въ рай
И, какъ его не угощай,—
Сосисокъ ввѣкъ не будетъ кушать...
Турчанка — Тогда я васъ готова слушать...
Пруссакъ — Аллахъ Абкеръ, Аллахъ Керимъ.
Все въ мірѣ—прахъ, все въ мірѣ—
дымъ,
Но все-жъ давайте-ка, втроемъ,—
Весь міръ себѣ мы заберемъ?..
Вотъ, напримѣръ,
(Аллахъ Абкеръ).
Мы вамъ дадимъ—
Кавказъ и Крымъ
(Аллахъ Керимъ)
Турчанка — Какъ говорите вы прекрасно...
Взять Крымъ съ Кавказомъ я со-
гласна.
Пруссакъ — Эй, Францъ, смотри: хоть разъ
не струсь.
— Итакъ, идемъ втроемъ на Русь.

(Маршируютъ).

Лѣвой, правой—
Маршъ за славой.
Разъ-два. Разъ-два.
Францъ, старайся—
Не шатайся.
Разъ-два. Разъ-два.

(Подходятъ къ русской коробочкѣ).

Пруссакъ	Какъ ни глянь, со всѣхъ сторонъ,— — Чѣмъ я не Наполеонъ?..
Австріякъ	— Ну-какъ вылитый!..
Козакъ (въ сторону)	— Ну-ну, Сыпь, дружокъ, въ Березину.
Пруссакъ	Ну-ка, гаркнемъ, что-ли, къ слову:
Всѣ трое	Дэйчландъ, Дэйчландъ юберъ аллесъ!
Козакъ	Вы-бы, братцы, уби-рались По добру, да по здорову.
Пруссакъ	— Что такое? Я—пруссакъ, Предо мной трепещетъ всякъ. И усами я клянусь: Разгромлю, немедля, Русь.
Козакъ (хладнокровно)	— А я, вотъ, тебя не боюсь.
Турчанка	Я-же родомъ изъ Царьграда, Мнѣ Кавказъ ужасно надо... Дай Кавказъ мнѣ, иль, клянусь,— Разгромлю, немедля, Русь...
Козакъ	— А я, вотъ тебя не боюсь.
Австріякъ	Ну, а я-же—австріякъ. — Не смотри на мой синякъ, Я, ухъ,—страшный!.. И, клянусь, Разгромлю, немедля, Русь.
Козакъ	— А я, вотъ тебя не боюсь.
Австріякъ (турчанкѣ)	— А вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ Насъ нисколько не боится...
Турчанка	— Охъ, какъ зубы заболѣли...
Австріякъ (козаку)	— Охъ, какъ ломитъ въ пояснинцѣ... Гм... простите... гдѣ-же тутъ... Гдѣ у васъ... тутъ въ плѣнъ бе- рутъ?..
Козакъ (показывая на коробку)	— Лѣзьте Вмѣстѣ!
Австріякъ и турчанка (влѣзая)	— О, мерси.

К о з а к ъ — Хватитъ мѣста на Руси.

П р у с с а к ъ Послушай, козакъ, не губи ты себя,—
Сдавайся мнѣ въ плѣнъ, я вѣдь крѣпче тебя.
Ты вѣдь—простой,
А я—заводной.
— Посмотри, что за видъ:
Лакомъ крытъ,
Головой киваю,
Глазами мигаю,
Руками двигаю,
Ногами дрыгаю,
И даже прыгаю...
И тамъ и тутъ заклепки,
Все—винтики, да кнопки...
Вотъ, смотри,—
(маршируетъ) Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Г о л о с ъ Вертѣлся пруссакъ
И этакъ и такъ
И вдругъ «кракъ»,—
Пружинка лопнула,
Внутри что-то хлопнуло
И пруссакъ—«Ахъ,
И—трахъ—
Растянулся въ Польшѣ...
И уже больше:
Головой не киваетъ,
Глазами—не мигаетъ,
Руками—не двигаетъ,
Ногами—не дрыгаетъ,
И—не прыгаетъ,
А другой—
Простой—
Кустарной работы...
Взгляни на него ты:
Лакомъ не крытъ,

Людей не дивитъ—
Ни много, ни мало...
— Но зато, какъ ни въ чемъ не
бывало,
Какъ раньше стоялъ, такъ и —
стоитъ,
— Ибо, — «неладно скроенъ, да
крѣпко сшитъ».

V

Пѣсенки.

О Петькѣ.

Петька—шленда,
Петька—«фронда»,—
Сталъ задумчивъ не съ добра,—
Первоклассникъ,
Безобразникъ,
Озорникъ et cetera...

Мысли—туги,
Отъ натуги—
Въ головѣ его—лапша...
— На Карпаты,
Сквозь гранаты,
Рвется Петькина душа...

— «Жить подобно—
«Неудобно!
«Надо нашимъ помогать».—
— Взялъ онъ ножикъ,
Фунтъ лепешекъ
И—поѣхалъ воевать!..

Но... догнали
На вокзалѣ...
— Вотъ те только и всего!..
Такъ... гранаты
— И Карпаты—
И остались безъ него!..

И обратно,
Безвозвратно,—
Петька шествуетъ, скорбя...

— Глупый Петька,
Милый, Петька,
— Эхъ, братъ,.. выпорютъ тебя!

— — —

Непобѣдимый.

— Кто осмѣлится сразиться
Съ паномъ Владекомъ на сабляхъ?!..
— Ну-ка, витязи, кому здѣсь
Жить на свѣтѣ надоѣло?!

— Въ ожиданіи отвѣта,
Улыбается панъ Владекъ
И гарцуетъ, щуря очи,
Возлѣ рыцарей смущенныхъ!..

— Ахъ, панъ Владекъ, не гарцуйте,
Не гарцуйте слишкомъ гордо,—
Намъ извѣстно достовѣрно,
Что и вамъ попало тоже!..

— Намъ извѣстно даже больше:
— Что, понесши пораженье,
Вы молили о пощадѣ
Побѣдителя смиренно!

— Разрѣшите вамъ напомнить
Имя этого героя?
— Это имя: панна Зося,
Панна Зося—это имя!..

Пѣсенка маркитанки.

Лотокъ маркитанки
Торгуетъ съ зари...
Махорка, баранки—
Что хочешь бери!

— Товаръ не доходный,
Зато, примѣчай,—
— Все есть, что угодно!
— Купи,—получай!

Есть чай и лепешки
И сыръ и табакъ
И мыло и ложки
И старый темлякъ.

Мой товаръ—на расхватъ!
Всякъ гостинцу, вѣдь, радъ!
Цѣлый полкъ у меня побывалъ!..
А вчера поутру,
(Вотъ ей-богу не вру!)
Подошелъ даже самъ генералъ!

Но тянутся губы
Изъ всѣхъ—къ одному!..
— Все даромъ ему бы,
Все даромъ ему!

И чай и лепешки,
И сыръ и табакъ,
И мыло и ложки,
И старый темлякъ,

И фунтъ рафинада
И „Рижскій Бальзамъ"...
— Въ придачу, коль надо,
И... сердце отдамъ!

Онъ, во-первыхъ,—герой,
Во-вторыхъ,—молодой,
Ну, а въ-третьихъ,—красивъ и румянъ...
И, къ тому жъ, у него—
Съ боку, кромѣ всего,
    На ремнѣ—барабанъ! барабанъ!

Дѣтская...

У маленькаго мальчика Кольки,
Который выглядитъ слишкомъ моложаво
И настолько малъ,
Что еще не читалъ
Не только—
«Международнаго права»,
Но даже простой «грамматики»,—
— Есть два оловянныхъ солдатика!
Одинъ—«казакъ»,
А другой—«пруссакъ»!..
— «Казакъ»—и нарядный и дюжій,
«Пруссакъ-же»—похуже!

И только
Надвинется вечеръ,—
Колька
Готовится къ сѣчѣ!..
— Ставитъ въ рядъ
Этихъ двухъ солдатъ—
Лицомъ другъ къ дружкѣ...
(Одинъ—«на западѣ», другой «на востокѣ»)
И, за неимѣніемъ пушки,
Раздувъ, по возможности, щеки
И принявъ очень яростный видъ,—
Онъ самъ тарахтитъ—
И свирѣпъ и угрюмъ:
— „Буммъ! Буммъ! Буммъ“!!!

И воюетъ онъ такъ—
Пока
«Казакъ»
Не побьетъ «пруссака»..

Когда-же окончится бой,
Колька, пыхтя, забираетъ съ собой
И того
И другого:
«Своего»—
И «чужого»
И сложивши ихъ дружка на дружку,—
Кладетъ къ себѣ подъ подушку!..
И такъ, все забывъ,
И простивъ,—
Спитъ вмѣстѣ съ «врагомъ» въ тихой
спаленкѣ,

Потому что онъ—маленькій!

Пѣсенка юнги.

У васъ на землѣ,
Какъ въ старомъ дуплѣ,
И скучно, и нудно, и тѣсно:
Стѣна—впереди,
Стѣна—позади!..
А гдѣ небеса?..—неизвѣстно!

А въ морѣ у насъ,
Идетъ вѣчный плясъ!..
И мечутся въ пѣнномъ уборѣ,
Толпою шальной,
Волна за волной!..
О, море, о, синее море!

— Эй, юнга, сказалъ капитанъ,
Теперь намъ осталось одно:
Побѣдить, иль—на дно!
Готовься-жъ себя, мальчуганъ,
Отечеству въ жертву принесть!..
— „Есть!"

У васъ въ городахъ
Цвѣтутъ на щекахъ:
Лимоны, лимоны, лимоны!
А пѣсни и сны,

Уныло черны,
И грустны, какъ въ полѣ вороны!..
А мы, моряки,
Не знаемъ тоски!
Мы съ ней окончательно въ ссорѣ!
Какъ жизнь хороша!
И вторитъ душа:
О, море, о, синее море!

— Эй, юнга, сказалъ капитанъ:
— Теперь мнѣ осталось одно:
Побѣдить, иль—на дно!
Готовься-жъ себя, мальчуганъ,
Отечеству въ жертву принесть!
— „Есть!“

VI.

Оживленная баллада.

Оживленная баллада.

Поэтъ. Былые вѣка—голубѣющій дымъ,
Затепленной Богомъ лампады...
— Давайте-жъ забудемся и погрустимъ
Подъ шопотъ старинной баллады...
Вонъ, вонъ, бѣлый призракъ плыветъ
въ вышинѣ...
Чу... Слышите? Вотъ, прозвенѣло:
Голосъ. — Я герцогъ Ричардъ. Я убитъ на
войнѣ
Межъ Розами: Алой и Бѣлой...
Поэтъ. — И хлынули призраки бѣлой волной,
Струясь изъ тумана сѣдого...
Но я оживлю ихъ нетлѣнной мечтой
И сдерну завѣсу съ Былого...
(тихо). Былые вѣка — голубѣющій дымъ,
Затепленной Богомъ лампады...
— Давайте-жъ забудемся и погрустимъ
Подъ шопотъ старинной баллады:
— Графиня Урсула сидитъ у окна,
Но сердце графини — въ долинѣ...
Графиня — печальна, графиня — блѣдна,
Заплаканы очи графини...
Графиня. — О гдѣ-же, ты, гдѣ, отзовись мой
Эдгаръ?
Все также-ль хранимъ ты судьбою?

Иль, можетъ, сразилъ тебя вражій ударъ
И воронъ кружитъ надъ тобою?

П о э т ъ. — Вздохнулъ еле слышно тоскующій шутъ
И молвилъ, тряхнувъ бубенцами:

Ш у т ъ. — Отъ вѣка, живые съ живыми живутъ,
А мертвые спятъ съ мертвецами.
И нечего дѣлать живымъ средь могилъ,—
Такъ скажетъ любой вамъ философъ...
Я, тоже, изъ нихъ... и давно разрѣшилъ
Мильонъ всевозможныхъ вопросовъ...
— На каждомъ челѣ — есть число и печать
И срока судьба не забудетъ...
— Что будетъ—то будетъ, чему-жъ не бывать —
Того никогда и не будетъ!
Къ тому-же, отъ всякихъ волненій и слезъ—
Въ груди — словно банка піявицъ!
И вянутъ гирлянды алѣющихъ розъ
На щечкахъ печальныхъ красавицъ...

П о э т ъ. — Графиня не слышитъ... Весь міръ для нее
Окутался дымомъ пожарищъ...

Ш у т ъ. — Э-эхъ,

П о э т ъ. — Молвитъ шутъ,

Ш у т ъ. Плохо дѣло мое,
Твой выходъ пѣвучій товарищъ...
Вѣдь долженъ—то знать, хоть немного, Амуръ
Что въ женской душѣ колобродитъ?..

П о э т ъ. — И входитъ съ поклономъ, на зовъ трубадуръ
И сладкую пѣсню заводитъ:

Трубадуръ (вглядываясь рветъ струны). — Журчи мой напѣвъ, тихой грустью звеня...
Но... струны порвались... О, Боже,
Не мало есть пѣсенъ въ груди у меня,
Но тамъ вѣдь и сердце есть, тоже.
Ужасны удары враговъ на войнѣ,
Но стрѣлы Амура—опаснѣй...
— Есть много красавицъ въ англійской странѣ,
Но вы, госпожа, всѣхъ—прекраснѣй.
Пока трубадуръ не влюбленъ — онъ поетъ,
Когда-же влюбленъ—умираетъ...

Поэтъ. — И лютню дрожащей рукой онъ беретъ
И на полъ, со стономъ, швыряетъ.
Графиня не слышитъ... весь міръ для нее
Окутался дымомъ пожарищъ...

Шутъ. — Э-эхъ,

Поэтъ. Молвитъ шутъ,—

Шутъ. Плохо дѣло твое,
Влюбленный пѣвучій товарищъ...

Поэтъ. И тихо уходятъ они... Вдалекѣ
Зарница крылами взмахнула...
Но, возлѣ окна, цѣпѣнѣя въ тоскѣ,
Застыла графиня Урсула...
И тихо... и тихо... Забившись въ углахъ,
Тѣснятся кобольды незримо...
Но, вдругъ, звякнулъ мечъ и—въ раскрытыхъ дверяхъ

Графиня. — Эдгаръ мой, Эдгаръ мой любимый?..

Эдгаръ (съ бѣлой розой). Мы бились, какъ тигры. Въ предутренней мглѣ
Алѣли въ крови алебарды...
Но... врагъ одолѣлъ... и давно на землѣ
Нѣтъ больше Іорка Ричарда...

Его увели, въ кандалы заковавъ...
Погибъ онъ, погибъ онъ, нашъ герцогъ!..
О, горе...

Поэтъ. И падаетъ раненый графъ,
Схватившись рукою за сердце!..
И вновь звякнулъ мечъ...

Голосъ. Эй, здѣсь раненый звѣрь
Запрятался съ нашей занозой?..
Живѣй открывайте, иль вышибёмъ дверь!
Клянусь въ этомъ „Алою розой“.

Графиня. — Враги?.. О, Эдгаръ, часъ прощанья насталъ,—
Смерть въ гости къ намъ жалуетъ нынѣ...

Поэтъ. — Въ рукѣ у графини сверкаетъ кинжалъ.
Какъ молніи—очи графини.

Графиня. — Спасу я отъ смерти тебя, мой Эдгаръ.
Меня-же она не пугаетъ.

Поэтъ. — И въ грудь направляетъ графиня ударъ
И розу къ груди прижимаетъ.—
И молвитъ ворвавшейся бандѣ въ отвѣтъ:

Графиня. — Уйдите... напрасны угрозы...
Ошиблись вы дверью... Іорковъ здѣсь нѣтъ...
Взгляните, вотъ... алая роза...

Поэтъ. Былые вѣка—голубѣющій дымъ,
Затепленной Богомъ лампады...
— Давайте-жъ забудемся и погрустимъ,
Подъ шопотъ старинной баллады...

VII.

Эпилогъ одной очень тривіальной исторіи.

(Всѣмъ разгримировавшимся въ эти дни—посвящаю).

Ахъ какъ тривіально все это
И какъ до зѣвоты старо:
— «Жила, какъ-то, гдѣ-то—
Пьеретта,
И жилъ какъ-то, гдѣ-то—
Пьеро!»

Всѣ знаютъ исторію эту:
Пьеро вдругъ влюбился въ Пьеретту,
Пьеретта (она-жъ «Коломбина»)
Ему предпочла—Арлекина.
И сталъ очень бѣлаго цвѣта
Отъ этого бѣдный Пьеро!..

— Ахъ, какъ тривіально все это,
И какъ до зѣвоты—старо!..

Со дня сотворенія міра,
По своему, каждая лира,
Звеня распѣвала о нихъ...
И — шили штиблеты —
Поэты
За счетъ этой самой Пьеретты
И двухъ остальныхъ...

И такъ до послѣдней минуты,
Попавши въ любовныя путы,
Пьеро обнималъ Коломбину,
Она-же въ тотъ мигъ Арлекину
Прозрачно весьма улыбась,
Текъ,
Клюквенный сокъ...
И казалось,
Что взялъ на безсмертье подрядъ
Почтеннѣйшій тріумвиратъ!..

Но вотъ въ чужедальныя страны—
Забили походъ барабаны
И—смолкъ перезвонъ мандолинъ!..
— О, вы, кавалеры и дамы,
Припомните изъ телеграммы,—
— Какъ дрался въ бою Арлекинъ!

— Пьеретта, Пьеретта,
Что это?—
— При первомъ-же стонѣ бойца,
Не кончивъ на сценѣ куплета,
Вы смыли румяна съ лица?!.
И грудь шаловливой Пьеретты
(Не правда-ль, какъ странно все это?!.)
— Украшена, нынче, притомъ,
Не красною розой, а «краснымъ крестомъ!»

И кровью обрызганъ пестро
Сжимающій саблю Пьеро!

Salute!

Король.

Съ тѣхъ поръ, какъ, въ гнѣвѣ, крылья Смерти
Забороздили по землѣ,—
Кто не молился объ Альбертѣ
О легендарномъ королѣ?!..

И мнится мнѣ:
— Въ кровавой дали,
Едва, едва скрывая боль,
Стоитъ, блѣднѣя отъ печали,
Безсмертьемъ вѣнчанный король...

— Снимите шляпы

———

Братьямъ-полякамъ.

О, дѣти растерзанной Польши,
Ударьте, какъ встарь, на враговъ!..
Иль можетъ у Польши нѣтъ больше
Достойныхъ Былого сыновъ?
Иль, можетъ быть, руки ослабли?
Иль, очи потухли средь мглы?
Иль старыя польскія сабли
Для внуковъ уже тяжелы?
О, нѣтъ, погребальную тризну
Надъ Польшей справлять погоди:
Есть кровь, чтобъ пролить за отчизну—
Въ изрубленной польской груди...
Рѣдѣютъ и таютъ туманы,
Оконченъ нашъ споръ вѣковой
И братскія ссоры и раны—
Омыты живою водой.
И, вновь, горделиво и властно,
Надъ Польшей восходитъ звѣзда,
Какъ польская панна—прекрасна.
Какъ польская панна—горда.

Пусть надъ Бельгіей повисъ.

Пусть надъ Бельгіей повисъ
Черный крепъ печали,
И огнемъ заволоклись
Вздрогнувшія дали...
— Вѣрь: взойдетъ ея звѣзда,
Вновь, надъ черной кручей!..
— Вѣдь и солнце иногда
Прячется за тучи!..
— И не долго рыскать тамъ
Вражьимъ эскадронамъ!..

— Горе пляшущимъ врагамъ!
Слава—побѣжденнымъ!

Маріэтта.

Маріэтта, Маріэтта, гдѣ твой братъ,—
Каждой дамѣ улыбавшійся солдатъ?
Отчего онъ больше саблей не гремитъ?
—Онъ... убитъ...

Маріэтта, Маріэтта, гдѣ твой Жанъ,—
Твой женихъ, твой вѣрный рабъ и твой тиранъ?
Отчего у ногъ твоихъ онъ не сидитъ?
—Онъ... убитъ...

Маріэтта, Маріэтта, гдѣ твой смѣхъ—
Звонкій спутникъ юныхъ дѣвичьихъ потѣхъ?
Отчего-же, отчего онъ не звенитъ?
Онъ... убитъ...

Польшѣ.

— Кто сказалъ, что пѣсня славы
Отзвучала для поляковъ?..
— Нѣтъ разрубленъ гнетъ оковъ!
И въ объятіе Варшавы
Вновь падетъ плѣненный Краковъ,
Какъ упалъ отбитый Львовъ!..

— Нѣтъ, поляки не ослабли!
— Панны ихъ залѣчатъ раны
Лаской сердца своего!..
— Что острѣе польской сабли?
— Что прекраснѣй польской панны?
— Ничего!

Тильтиль и Митиль.

Въ красномъ огненномъ туманѣ,
Подъ ударомъ гнѣвной стали—
Претворилась Сказка въ Быль...
И, опять, тайкомъ отъ няни,
Темной ночью убѣжали
Братъ съ сестрой—Тильтиль съ Митиль...

И дорогою безкрайной
Вдаль идутъ черезъ гробницы
И стучатся въ каждый домъ:
—„Вы не видѣли, случайно,—
„Синей Птицы... Синей Птицы—
„Съ окровавленнымъ крыломъ?!.“

Лувенъ.

Еще, какъ прежде, жужжатъ снаряды,
Еще не конченъ нѣмецкій плѣнъ...
Въ вечернемъ небѣ горитъ лампадой
Испепеленный врагомъ Лувенъ...

— Не хмурьте брови! Пусть грянутъ пѣсни,
Лихія пѣсни лихихъ годинъ...
Лувенъ—воспрянетъ, Лувенъ—воскреснетъ,
Въ огнѣ Лувена– сгорѣлъ Берлинъ!

Гдѣ нынче ядра землю рвутъ...

Гдѣ нынче ядра землю рвутъ
Тамъ жилъ народъ уединенный...
Мечемъ его былъ—мирный трудъ,
Щитомъ его—скрижаль закона!..

И, вотъ—лежитъ онъ, недвижимъ,
Найдя безсмертье въ вѣчной славѣ...
И кружатъ вороны надъ нимъ!..
— Вильгельмъ, Вильгельмъ, гдѣ братъ твой—
Авель?!»

Трилистникъ.

Весна 1915 г.

Не пойте о любви подъ грохотъ кононады
И, выгнавъ за порогъ весенняго пѣвца,
Закуйте въ кандалы игривыя сердца...
—Не пойте о любви подъ грохотъ кононады.

—Пожалуйте въ окопъ, Лирическій Ромео...
Довольно, чертъ возьми, вздыхать и охать вамъ!
Вы созданы, дружокъ, не только лишь для дамъ!..
—Пожалуйте въ окопъ, Лирическій Ромео!

—Кто знаетъ: отчего такъ алы, нынче, розы?
Желательно-ли такъ кокетливой Веснѣ?
Иль... кровью, можетъ быть, опрыснуты онѣ?
—Кто знаетъ—отчего такъ алы, нынче, розы?

Овечка.

Есть въ Берлинѣ--рѣчка
А на рѣчкѣ—мостъ,
На мосту—овечка,
У овечки—хвостъ!

Не изсякнетъ рѣчка,
Не снесутъ моста...
Будетъ и овечка,
Только—безъ хвоста!

Въ сей день.

Еще никогда, отъ начала
Посыпанныхъ пепломъ временъ,
Такъ тяжко земля не стонала
Подъ шагомъ взбѣшенныхъ племенъ!..

Не даромъ, къ подъятымъ знаменамъ
Стекались народы въ ночи!..
— И, вотъ съ незапамятнымъ звономъ,
Скрестились лихіе мечи!..

И снова спокойно и смѣло,
Россія, принявшая бой,—
— Сплотилась въ единое тѣло—
Съ единой зажженной душой!

И въ даляхъ родимыхъ просторовъ,
Средь бранныхъ грохочущихъ вьюгъ,
Мнѣ видится: новый Суворовъ
И новый Козьма Сухорукъ!..

И будутъ разсказывать дѣды
И прадѣды—внукамъ своимъ!
— Какъ встрѣтили здѣсь мы сосѣда
И какъ пировали мы съ нимъ!

КОНЕЦЪ.

Цѣна 75 коп.